

имъ положеніемъ: онъ клялся въ любви только тогда, когда не любилъ; начиная же чувствовать жаръ любовной лихорадки, онъ зарывалъ свою любовь, какъ кладъ. Жаль! прелестныя читательницы, охотницы до сладенькихъ стиховъ и восторженныхъ сценъ, вѣрно, ожидали тутъ пламеннаго объясненія, при лунѣ и звѣздахъ; но герой поэмы—ужасный прозаикъ: если онъ и допускалъ возможность исключеній, то въ пошлость вѣрилъ твердо и всегда, и рѣдко ошибался, а о другомъ мірѣ не имѣлъ никакого понятія. Что же касается до самого поэта, то чувствительныя и восторженные читательницы навѣрное имъ еще менѣе довольны, нежели героемъ поэмы, и объявятъ его человѣкомъ безъ души и сердца, демономъ, который не вѣритъ любви и презираетъ прекрасное и высокое... Предоставляемъ ему самому защищаться противъ этого грознаго суда и обратимся къ прерванной нити рассказа.

Сказавъ, что герою поэмы въ саду съ уѣздной барышней было едва ли отраднѣе, чѣмъ въ аду, авторъ заставляетъ его постепенно таять и объявляетъ—влюбленнымъ! Какъ и почему это сдѣлалось? Поэтъ удовлетворительно отвѣчаетъ на эти вопросы:

Во-первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая;
Не свѣтила луна, хоть и взошла;
Рѣка, во тѣмъ таинственно сверкая,
Текла вдали... Дорожка къ ней вела:
А ластыя въ тишинѣ толпой незримой
Лепечутъ. Вотъ они сошли въ оврагъ,
И словно ихъ движеніемъ гонимый,
Передъ ними разступался мягкій прахъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безпечному мечтанью,
И улыбался мирно, и вздыхалъ.
А свѣжій вѣтръ въ глаза ихъ лобызалъ.
А во-вторыхъ: Параша не молчитъ
И не вздыхаетъ съ приторной ужимкой,
Но говорить, и просто говорить.
Она такъ мило движется—какъ дымкой
Прозрачной тѣнью трепетно облитъ
Ея высокій станъ... онъ отдыхаетъ:
Ужъ онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ,—
Заговорилъ, а сердце въ ней пылаетъ
Нѣвѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ запахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый
И, словно тоже страстію томимый,
Вдали, вдали—на рубежѣ степей
Гремитъ, поетъ и плачетъ соловей.
И, можетъ быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній.
Ея души—и сталъ въ немъ умирать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій;
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой...
*Нѣтъ! о любви не думаетъ она—
Но, какъ листокъ блестящій и стыдливый,
Ее несетъ широкая волна...*
Все въ этотъ мигъ кругомъ ей улыбалось,
Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

Уѣзжая домой, нашъ герой думалъ про себя: «Я радъ сосѣдамъ... Онъ—человѣкъ

богатый.. дочь у нихъ одна и «при томъ она мила». Думая такъ, онъ гналъ отъ себя другія, неумѣстныя мечты, отголоски давно минувшихъ дней... А что же Параша? Ей казалось, что все прежнее, вся жизнь ея измѣнилась; во снѣ ей видѣлся онъ, а поэту слышился надъ ней, спящей, какой-то «насмѣшливый» голосъ, который говорить:

„Въ теплый вечеръ въ ульяхъ чистыхъ
„Зрѣютъ свѣтлые соты;
„Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
„Раскрываются цвѣты;
„И тогда по нимъ слезами
„Потечетъ прозрачный медъ—
„Вьется жадно надъ цвѣтами
„Пчелъ ликующей народъ...
„Наклоняя сладострастно
„Свой усталый стебелекъ,
„Гостя милаго напрасно
„Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
„Такъ и ты цвѣла стыдливо,
„И въ тебѣ, дитя мое,
„Созрѣвало прихотливо
„Сердце страстное твое...
„И теперь, въ красѣ расцвѣта,
„Обаянія полна,
„Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта
„Одинока и пышна.
„Такъ склонись же, стебель стройный;
„Такъ раскройся жъ, мой цвѣтокъ;
„Прилетѣлъ женихъ... достойный
„Въ твой забытый уголокъ.

Однако жъ странно: почему эти прекрасныя стихи такъ неожиданно смѣняются такимъ прозаическимъ стихомъ—«съ достойнымъ женихомъ»?.. Не забывайте, что эти стихи прозвучалъ насмѣшливый голосъ... Чей же это голосъ?—Должно быть, сатаны: эта догадка тѣмъ основательнѣе, что самъ поэтъ вслѣдъ затѣмъ заставляетъ сатану «поникнуть угрюмой головой надъ любящей четой». Но не ожидайте сцены обольщенія: нашъ поэтъ—писатель благодѣтельный, а герой его поэмы не былъ Донъ-Хуанъ—въ этомъ увѣряетъ насъ самъ авторъ:

Мой Викторъ не былъ Донъ-Хуаномъ... ей
Не предстояли грозныя волненія.
„Тѣмъ лучше“, скажутъ мнѣ: „разгулъ
„страстей
„Опасенъ“... Точно; лучше, безъ сомнѣнія.
„Спокойно жить и приживать дѣтей,—
И не давая, особенно въ началѣ,
Щекамъ пылать... склоняться головѣ...
А сердцу забываться—и такъ далъ.
Не правда ли? Общепринятой молвъ
Я покоряюсь молча... поздравляю
Парашу я судьбѣ ее вручаю—
Подобной жизнью будетъ жить она;
А, кажется, хочется сатана.

Мой Викторъ пересталъ любить давно...
Въ немъ сызмала горѣли страсти скупы;
Но, впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
Что по любви жениться—даже глупо.
И вотъ въ кого ей было суждено
Влюбиться... Что жъ? онъ человѣкъ пре-
красный
И—какъ умѣетъ—самъ влюбленъ въ нее;